

Пианист Юрий ГЛУЩЕНКО: упования Фурцевой я оправдал.

Имя Юрия Петровича Глущенко (р.1947) известно в стенах Национальной музыкальной академии, пожалуй, каждому. На протяжении многих лет он ведет активную преподавательскую деятельность на кафедре общего и специализированного фортепиано, и на сегодняшний день количество его учеников едва ли поддается исчислению.

Юрий Глущенко – музыкант универсального дарования, его широкий репертуар включает произведения разных эпох и стилей, но особый интерес пианиста лежит в сфере отечественного и зарубежного авангарда XX-XXI столетий.

К сожалению, последние годы Юрий Глущенко не частый гость на концертных эстрадах Киева. Тем более радостным событием является его клавирабэнд «Punctum contra punctum», который состоится 23 апреля (19.00) в стенах зала НСКУ.

– Каковы были Ваши первые шаги в музыкальном мире?

Юрий ГЛУЩЕНКО: Музыкай я начал заниматься очень рано, лет с 3-х или 4-х. Нашим соседом был Даниил Романович Юдилевич, тогда еще студент, а в последствии – очень известный киевский педагог фортепиано. За стеной он постоянно играл 2-ю сонату Шопена, и я внимательно ее слушал, а потом начал попытки изобразить на нашем инструменте нечто похожее на Шопена.

– А родители были музыкантами?

Ю.Г.: Мама музицировала на фортепиано. Но ее репертуар состоял не из классических произведений, а из очень популярных тогда «Амурских волн», «Сопок Манчжурии» и т.п. Рано или поздно я научился играть эти пьесы не хуже чем мама. Семейный совет постановил: надо заниматься музыкой! И с просьбой о регулярных занятиях обратились, само собой разумеется, к Юдилевичу. Он послушал мои музыкальные экзерсисы, оценил их довольно высоко – но, тем не менее, заниматься со мной не стал. Сослался на то, что не имеет на это права, пока не закончит консерваторию.

– И как решился этот вопрос?

Ю.Г.: Юдилевич дал нам рекомендацию к блестящей пианистке и педагогу Нине Сергеевне Малофеевой, обучавшейся у самой Анны Есиповой как раз тогда, когда у нее учился и Прокофьев. Нина Сергеевна пришла к нам в гости, села за инструмент, сыграла некое танго. Я повторил почти в точности. Затем она стала извлекать разные аккорды с пропуском отдельных звуков. Я стабильно называл, какие именно звуки она пропускала. «Всё! – сказала Нина Сергеевна. – Надо учиться музыке. Слух – как у Прокофьева!». Так что, вопрос «кем быть?» не был актуальным для меня уже с довольно раннего возраста.

– Когда у Вас сформировался первый настоящий интерес к современной музыке?

Ю.Г.: Пожалуй, еще с обучения в школе-«десятилетке». Юлия Львовна Будницкая, у которой я учился, с пониманием относилась к моему увлечению музыкой Шостаковича и позволяла играть его прелюдии и фуги вместо баховских. А по-настоящему я «заразился» современной музыкой от моего первого консерваторского педагога Александра Александровича Александрова, заведующего 1-й фортепианной кафедрой с 1961 года. Он очень любил музыку XX века, и в его классе часто звучали «Петрушка» Стравинского, «Ночной Гаспар» Равеля, прелюдии Дебюсси и многое другое.

На 1-м курсе консерватории всерьез пробудилась и моя любовь к XX веку. С самого начала Александров дал мне довольно типичную как для первокурсника «классическую» программу – и мне она показалась малоинтересной. Я не ходил к нему

почти месяц, а затем появился и предложил другой вариант программы, который включал музыку Шостаковича, Прокофьева и Дебюсси. В целом, Александров поприветствовал мое рвение, и в дальнейшем я серьезно занимался современной музыкой, играл очень многое, и почти всё из этого сохраняю «в пальцах».

– Ну и, наверное, близкий круг общения тоже способствовал?

Ю.Г.: Безусловно. Помимо всего прочего, для меня были очень важны контакты с композиторами. Валентин Сильвестров, Виталий Годзяцкий, Владимир Загорцев были тогда молоды и очень известны не только у нас, но и (тогда еще в значительно меньшей степени) за рубежом. Я играл и играю их музыку, сделал, в том числе, ряд фондовых записей. Леонид Грабовский постоянно снабжал меня самыми разными нотами. Благодаря нему я по-настоящему проникся творчеством Веберна, Булеза, Штокхаузена, которых изучал очень тщательно. В общем, авангард – это любовь всей моей жизни. Хотя, конечно, в прошлые годы такое увлечение не сильно приветствовалось партийной верхушкой консерватории.

– Были конфликты на этой почве?

Ю.Г.: Не без этого. Вспомню, в частности, об одной досадной «накладке». Еще в мою бытность студентом мы со скрипачом Арменом Марджаняном готовили к исполнению 1-ю часть «Драмы» Сильвестрова – для скрипки и фортепиано. Но, к великому сожалению, неожиданно вмешалось консерваторское партбюро. Мне запретили бросать металлические стаканчики на струны рояля, угрожали «двойкой» по научному коммунизму и прочими неприятностями. Пришлось Сильвестрову играть самому, а он ведь, кстати, блестящий пианист!

– Марджаняну тоже «влетело»?

Ю.Г.: Его не тронули. По-видимому, партбюро побаивалось его супругу, виолончелистку Марию Чайковскую, ведь она была очень известна, лауреат всевозможных конкурсов и званий – а на таких знаменитых людей остерегались оказывать давление. В итоге мы с Арменом Александровичем исполнили блестящий концерт: 4 пьесы Веберна, Фантазия Шенберга, Вариации Мессиаана, Концертный дуэт Стравинского. И, кроме того, была та самая 1-я часть «Драмы», которую мне не дали сыграть – за роялем солировал автор. Вот такие воспоминания – и приятные, и, в чем-то, неприятные. Но теперь-то я уже давно компенсировал этот казус тем, что назло всяким разным «партбюро» играю самую разную музыку Сильвестрова, в том числе – его 3 фортепианные сонаты.

– В консерватории Вы занимались не только фортепиано?

Ю.Г.: Конечно, не только! Иначе, мне было бы слишком скучно (смеется). Александрову очень нравилось, когда его студенты всячески расширяли свой кругозор, и помимо основного учебного курса занимались разными смежными дисциплинами, короче говоря – «ходили на сторону». Вот так, в период учебы на 1-м курсе, в рамках одного из заседаний студенческого Научного общества мне довелось выступать с докладом по фортепианному творчеству Хиндемита.

– Это была Ваша инициатива?

Ю.Г.: Не совсем. Предложение поступило от нашего преподавателя истории пианизма Григория Васильевича Курковского. Он очень любил современную музыку, всегда конфликтовал на этой почве с другими педагогами и даже хотел писать полемическое письмо самому Шнеерсону, автору знаменитой книги «О музыке живой и мертвой», опубликованной в начале 60-х (не знаю, реализовал ли он эту затею). Курковский предложил мне выступить с докладом и предупредил, что неплохо было бы

выучить несколько номеров из цикла «Ludus Tonalis», который был уже несколько лет как издан в СССР. Доклад на тему «Пианизм «Ludus Tonalis»» я сделал, выступил в 36-м классе консерватории, исполнил несколько интерлюдий и фуг – программка конференции хранится у меня до сих пор.

– А к тому моменту Вы уже были знакомы с творчеством Хиндемита?

Ю.Г.: Отчасти. Но не могу сказать, что знал его хорошо. По-настоящему я открыл этого композитора уже в процессе подготовки доклада – так что, от своего выступления я получил огромную пользу. Уже потом, со временем, «Ludus Tonalis» я играл полностью. И даже сейчас могу исполнить наизусть любой номер из этого цикла.

– Ну и самое главное – расскажите о Ваших композиторских занятиях.

Ю.Г.: Это был все тот же 1-й курс консерватории, 1966-67 годы – композицией я занимался факультативно. Моим педагогом был Мирослав Скорик.

– Много музыки написали?

Ю.Г.: На протяжении года – штук 15 фортепианных прелюдий и одну часть Сюиты для скрипки и фортепиано. Причем, сюита была не простая, а скорее, в духе «Драмы» Сильвестрова. Планировалось, что ее 1-я часть будет для голоса и фортепиано, 2-я, собственно написанная, – для скрипки и фортепиано, а третья, если не ошибаюсь, – для скрипки и голоса. Вот такая необычная сюита.

– А почему в дальнейшем Вы оставили сочинение музыки?

Ю.Г.: На то была объективная причина. По окончании первого года Скорик рекомендовал мне продолжать занятия по композиции, и я готовился к переходу на 2-й курс, сдавал переводные экзамены, дело шло успешно. Но потом внезапно поступила одна специфическая директива Министерства культуры СССР: товарищ Фурцева посчитала, что киевская консерватория готовит слишком мало конкурсных лауреатов. И для исправления ситуации в наш ВУЗ были направлены новые педагоги – пианисты Дмитрий Башкиров (он очень известен и сейчас, часто приезжает в Киев с концертами) и Татьяна Кравченко (мы называли ее «баба Таня»), ученица Льва Оборина, возглавлявшая в последствии 2-ю фортепианную кафедру нашей консерватории с 1967 по 1979 год.

– У Вас поменялся педагог?

Ю.Г.: Да. Я оказался в классе Кравченко. Александрову нравилось, что я пишу музыку, а бабе Тане – наоборот: никакого сочинения! Короче говоря, вопрос о моем композиторском факультативе она поставила довольно императивно. В итоге я оставил занятия у Скорика и в дальнейшем сосредоточился сугубо на фортепиано.

– Ну и как, Вы оправдали упования Фурцевой?

Ю.Г.: Разумеется. Лауреатом я стал: занял призовое место на всесоюзном конкурсе пианистов в 1970 году.

– Каковы внемузыкальные источники Вашего вдохновения?

Ю.Г.: Научная фантастика, детективы, современные живопись и поэзия. Модернизмы всякие, типа «дыр бул шир. убещур» Кручёных (смеется). Обыкновенные стихи трогали меня как-то меньше, еще начиная со школы. «Врубился» я в поэзию только тогда, когда открыл Маяковского. Хотя, наверное, по-настоящему к поэзии я не был склонен никогда. А вот детективной литературой, которую широко издавали в СССР, зачитывался очень много – Сименоном, Агатой Кристи. Ну и, конечно, самой разной фантастикой – Жюлем Верном, Брэдбери, Стругацкими, Азимовым. Когда стал старше,

увлекся классической литературой фантастического уклона, и штудировал самых разных классиков начиная Гомером и заканчивая Гоголем и Бальзаком.

– А почему именно фантастика?

Ю.Г.: Во-первых, это просто интересно и захватывающе, а во-вторых – именно литература такого рода позволяет смотреть на нашу реальность под несколько иным углом зрения, обучает видеть в обыденных вещах совершенно неожиданную иногда глубину. А в советские годы научная фантастика в исполнении, в частности, таких мастеров как Стругацкие, была одной из скрытых форм внутреннего протеста и оказывалась, образно говоря, одной из духовных «степеней свободы» читателя.

– У Вас есть хобби?

Ю.Г.: В течении уже почти сорока лет я собираю коллекцию игрушечных моделей паровозов и прочей железнодорожной техники. Эту страсть я приобрел в 70-е годы во время студенческой гастрольной поездки в ГДР. В одном из Лейпцигских магазинчиков я увидел целый огромный отдел, заставленный разнообразнейшими поездами, вагончиками, паровозиками. Среди покупателей этого отдела преобладали немецкие дамы пенсионного возраста. Я спросил у одной из них: «Вы, наверное, хотите купить здесь что-нибудь для своих внуков?». И бабуля ответила: «Ничего подобного! Для себя!». Я решил, что чем отовариваться всяким тряпьем, куплю-ка лучше паровозик! И с того момента серьезно увлекся этим делом, сейчас у меня собрана приличная коллекция.

– И насколько она велика?

Ю.Г.: Порядка сорока экземпляров. Но на самом деле, было намного больше. Просто, много чего я раздарил. Собираю только лишь модели старых, музейных поездов, которых сейчас уже не увидеть в действии. Недавно у меня даже появилась модель того самого знаменитого локомотива «Pacific 231», увековеченного Онеггером. Кстати, «231» – это не номерной знак, а количество задействованных колесных пар: ведущих, средних и задних. К тому же, у меня есть и настоящая 12-вольтная динамо-машина, а сейчас мечтаю о небольшой паровой машине, чтобы мой «Pacific» наконец можно было запустить.